

ГОМЕРИЧЕСКИЙ СМЕХ

Исследование творчества Гомера имеет древнюю традицию, начиная с эпохи эллинизма и доныне. Историки, философы, филологи, искусствоведы размышляют о гомеровских поэмах, открывающих для читателя мир античной цивилизации. Европейская культура пользуется образами мифа как средствами поэтического иносказания, хранящими непреходящие смыслы, дошедшие до современной эпохи в форме крылатых выражений: «ахиллесова пята», «гомерический смех». Вместе с тем, остается загадкой происхождение выражения «гомерический смех». Словарь свидетельствует, что выражение «гомерический» происходит от описания смеха богов в поэме «Илиада» древнегреческого поэта Гомера. [3, с. 171]. В то же время, среди событий Троянской войны тема смеха занимает незначительное место и встречается в сцене пиршества богов. В подобном контексте смех – естественная реакция развлекающихся богов. «Смех несказанный воздвигли блаженные жители неба» [1, с. 41]. Смех как образ состояния природы – «окрест смеялась земля» [1, с. 377]. Боги улыбаются – «улыбнулась богиня, лилейнораменная Гера» [1, с. 41, 407]. Ничего необычного. Но наша интуиция подсказывает, что смех олимпийских богов не просто громкий, не просто мощный, но содержит некую тайну для обычного человеческого сознания. И ключом к этой тайне может быть подход, который еще не использовался для подобного анализа и существующий параллельно с традиционными академическими исследованиями. Речь идет о христианском мировоззрении, оценивающим античную мифологию как языческую картину мира, в которой люди вели себя как «не знающие Бога» (1 Фес 4, 5).

Люди, воспитанные в духе материализма и атеизма, могут возразить вышесказанному, указывая, что в поэме Гомера рядом с героями событий Троянской войны являются олимпийские боги. Академическое мышление относит повествование о богах к разряду продуктов фантазии устного народного творчества архаического периода, одухотворяющих таинственные силы природы или явления жизни, не объяснимые с позиции научного рационализма или просто здравого смысла. Поэмы Гомера оцениваются как высшие образцы эпической поэзии, питающейся мифами. Миф в переводе с греческого означает – слово, язык, речь, беседа, сказание, рассказ... О чем бывает рассказ? О том, что люди видели, слышали, делали, поняли, т. е. о том, что реально или как бы реально происходило¹.

Не требует доказательства факт, что события «Илиады» вполне понятны любому современному человеку в той мере, в какой повествуют о ситуациях, близких для современного здравого смысла. Это понимание свидетельствует о наличии в мышлении неких общечеловеческих

механизмов мировосприятия. Не случайно во второй половине XIX–XX вв. теоретики искусства, в противоположность натурализму просветителя И. И. Винкельмана, стали отождествлять миф с матрицей культуры, истолковывать его как код, ключ к пониманию не только прошлого, но настоящего и будущего. К. Г. Юнг ввел термин «архетип» для объяснения совпадения мотивов деятельности людей в мифах народов, которые в древности не общались. Тема повторяемости в модели коллективного бессознательного, общего не только для опыта единоплеменников, но и других народов, рас и всего человечества, подрывает основы натуралистического, социологического, культурологического детерминизма в поиске праобразов как исторически обусловленных и предопределяющих психические структуры, стереотипы поведения, мировидение человека. К. Г. Юнг признавал, что термин «архетип» заимствовал в средневековом богословии².

«Илиада» – героическая поэма о Троянской войне, значительную часть которой составляет описание битвы. Гомер приближает читателя к батальным сценам на такое расстояние, что можно как бы «услышать» тяжелое дыхание воинов и «разглядеть» их раны. Это производит впечатление достоверности и очевидности происходящего. Не случайно Шлиман произвел раскопки Трои, опираясь на поэму Гомера как на исторический документ. Историчность Троянской войны, а тем более попытки установления времени описанных событий остается предметом научных споров. Если речь идет о реальных событиях, то все, что происходит во взаимоотношениях героев, убедительно с позиции материалистического мышления. Поведение героев понятно для здравого смысла, но до определенных пределов.

Древние греки были жизнелюбами, ценили земные радости и не торопились попасть в царство теней. Античное мироощущение выражает Ахилл, говоря, что лучше быть нищим на земле, чем царем в мире мертвых. Но такое отношение к действительности не препятствует героям храбро драться и умирать достойно. Так, Гектор, оставшись без прикрытия и видя неизбежную встречу с разъяренным Ахиллом, не прячется за стенами Трои, несмотря на убеждения отца и матери [1, с. 414–422]. Что же питает подобное бесстрашие?

В качестве непосредственной причины Троянской войны указывается похищение сыном троянского царя Парисом жены спартанского царя Менелая – прекрасной Елены. Древний миф повествует о «яблоке раздора» как первопричине брани, хотя в самой поэме об этом не говорится. Действие в «Илиаде» происходит на 10-м году Троянской войны на протяжении 50-ти дней и начинается с ссоры Ахилла с Агамемноном. Но это происходит на человеческом плане. Определяющим для поставленной в исследовании проблемы является план участия в описанных событиях

олимпийских богов. С первой строки поэмы в переводе Н. Гнедича говорится о воле богов как истинной причине брани.

*«Гнев, богиня, воспой Ахиллеса, Пелеева сына,
Грозный, который ахейнам тысячи бедствий соделал:
Многие души могучие славных героев низринул
В мрачный Аид и самих распростер их в корысть плотоядным
Птицам окрестным и псам (совершалась Зевсова воля),–
С оного дня, как воздвигшие спор воспылали враждою
Пастырь народов Атрид и герой Ахиллес благородный,
Кто ж от богов бессмертных подвиг их к враждебному спору?
Сын громовержца и Леты – Феб, царем прогневленный,
Язву на воинство злую навел» [1, с. 25–26].*

Итак, для решения поставленной в статье проблемы представляется необходимым исследовать смысл событий с учетом как человеческих возможностей, так и действий олимпийских богов. С одной стороны, действия героев обусловлены конкретными обстоятельствами, средой, логикой характера. С другой стороны, их поступки ведомы божественной волей. Гера и Афина помогают ахейцам, Аполлон и Афродита – троянцам. Боги подвигают героев на те или иные действия.

«Снова храбрость троян Олимпиец Кронион возвысил» [1, с. 161].

В свою очередь

*«...исполнилась жалости Гера богиня
И мгновенно к Палладе крылатую речь устремила:
“Дщерь громовержца Кронида, Паллада! Ужели данаям,
Гибнущим горестно, мы хоть в последний раз не поможем?”» [1, с. 162].*

*«Так олимпийские боги, одних на других возбуждая,
Рати свели и ужасное в них распалили свирепство» [1, с. 382].*

*«Но свирепый Арей троян возбудить устремился
возбудил он и силу и мужество в каждом» [1, с. 110].*

*«Но Аполлон, возжигатель народа, героя Энея
Против Пелида подвигнул, наполнивши мужеством душу» [1, с.382].*

Боги укрывают от взора противника тех, кому они покровительствуют, или отводят оружие, несущее смерть.

*«Тою порой Аполлон сотворил обманчивый призрак –
Образ Энея живой и оружием самым подобный.
Около призрака Трои сынов и бесстрашных данаев» [1, с. 110].*

Зевсова дочь Афродита спасает Энея

*«около милого сына обвив она белые руки,
Ризы своей перед ним распростерла блестящие сгибы,
Кроя от вражеских стрел» [1, с. 106].*

Гера, защищая ахейцев, расстилает перед их врагами тонкий покров,

разверзает или смыкает облако [1, с. 163].

*«Так Посейдон заповедав, на месте оставил Энея,
В то же мгновение бог от очей Ахиллеса рассеял
Облак чудесный; и, ясно прозрев, он кругом оглянулся,
Гневно вздохнул и вещал к своему благородному сердцу:
“Боги! Великое чудо моими очами я вижу:
Дрот предо мною лежит на земле; но не зрю человека,
Против которого бросил, которого свергнуть пылал я!”»* [1, с. 389].

Аполлон подстрекает Энея

«Голос и образ приняв Ликаона, Приамова сына» [1, с. 383].

Посейдон и Афина покровительствуют Пелиду

«образ приняв человеков» [1, с. 403].

Олимпийские боги устремляются друг против друга. Гера объясняет раненой смертным Диомедом владычице смехов Киприде:

«Но на тебя Диомеда воздвигла Паллада Афина» [1, с. 108].

В постоянном противоборстве находятся Зевс и Гера. Исполненный гнева Зевс говорит:

«Гера обыкнула все разрушать мне, что я ни замыслю!» [1, с. 163].

Но всемогучий тучегонитель Кронион умирляет волоокую Геру:

*«Дивная! Все замечаешь ты, вечно меня соглядаешь!
Но произвесть ничего не успеешь; более только
Сердце мое отвратишь, и тебе то ужаснее будет!
Если соделалось так, – без сомнения, мне то угодно!
Ты же безмолвно сиди и глаголам моим повинуйся!
Или тебе не помогут ни все божества на Олимпе,
Если, восстав, наложу на тебя необорные руки»* [1, с. 40].

Боги – активные и заинтересованные участники брани.

*«Все мы оставили небо, желая присутствовать сами
В брани...»* [1, с. 384].

Подобно тому, как участники зрелища боя быков или петухов,

«...Все божества на героев смотрели...» [1, с. 418].

Боги злы, свирепы,

«...ужасны, явившись взорам» [1, с. 384].

События на поле брани не зависят полностью от прихоти богов, но также от Участи.

*«...он (Эней – Л. Я.) от троян ничего не претерпит сегодня;
После претерпит он все, что ему непреклонная Участь
С первого дня, как рожден был от матери, выпряла с нитью»* [1, с. 384].

Но люди конкретно не знают своей участи. Они лишь знают о зависимости своей жизни и смерти от воли богов. Поэтому обращаются к богам за помощью с мольбами, заклинаниями, приносят им жертвы (см.: [1, с. 183, 185, 215, 224, 433]). В жертву приносят людей. Погребальному

костру Патрокла Ахиллес жертвует волов кривоногих, коней, псов, а также:
*«Бросил туда ж и двенадцать троянских юношей славных,
Медью убив их...»* [1, с. 433].

Как герои, так и боги не обнаруживают морального образа мыслей ни в плане опосредующей роли этической рефлексии, ни в плане наличия моральной идеологии, моральных норм и добродетелей. Нет морального кодекса, заповедей, отчужденных от конкретных индивидов, неуклонное соблюдение которых считалось бы критерием нравственности. Моральные качества находятся как бы в тени и присутствуют в оценках – благородный, многоумный, благосклонный, разумный [1, с. 432, 373]. Представления о добре и зле конкретны и, как бы, телесны. Герои поэмы бесстрашны. Но затруднительно найти внутренние мотивы их поступков. Они просто действуют. Все, что с ними происходит, выглядит как естественное развертывание физических сил. Участие в брани, защита города семьи, жены выглядят как естественные. Поступки мотивированы внешними обстоятельствами, если их оценивать с точки зрения современного волеизъявления. Принятие решений выглядят как самостоятельное, если бы не второй план мотивации, который при внимательном рассмотрении оказывается определяющим, как бы субстанциальным.

Ахейцы идут на Трою по решению богов. Поступки героев навеяны волей олимпийцев. Человеческие решения – мнимость. Несмотря на величие героев, затруднительно говорить о них как о личностях. Их выбор предопределен участью, которая может быть двойка [1, с. 179], но в конечном итоге зависит не столько от людей, сколько от противоборства и силы богов. Зевс повелевает:

*«Быстро, Афина, лети к ополчению троян и данаев;
Там искушай и успеи, чтоб славою гордых Данаев
Первые Трои сыны оскорбили, разрушивши, разрушивши клятву»* [1, с. 83].

*«Так олимпийские боги, одних на других возбуждая,
Рати свели и ужасное в них распалили свирепство.
Страшно громами от неба отец и бессмертных и смертных
Грянул над ними; а долу под ними потряс Посейдон
Вкруг беспредельную землю с вершинами гор высочайших.
Все затряслось, от кремнистых подошв до верхов многоводных
Иды: и град Илион, и суда меднобронных данаев.
В ужас пришел под землю Аид, преисподних владыка;
В ужасе с трона он прынул и громко вскричал, да над ним бы
Лона земли не разверз Посейдон, потрясающий землю,
И жилищ бы его не открыл и бессмертным и смертным,
Мрачных, ужасных, которых трепещут и самые боги.
Так взволновалось все, как бессмертные к брани сошлись!*

*Против царя Посейдоана, мощного Энносигея,
Стал Аполлон длиннокудрый, носящий крылатые стрелы;
Против Арея – с очами лазурными дева Паллада;
Противу Геры пошла златокудрая ловли богиня,
Гордая меткостью стрел Артемида, сестра Аполлона;
Противу Леты стоял благодетельный Гермес крылатый;
Против Гефеста – поток быстроводный, глубокопучинный,
Ксанфом от вечных богов нареченный, от смертных – Скаандром.
Так устремлялися боги противу богов» [1, с. 382].*

С точки зрения христианского мировоззрения, события «Илиады» описывают жизнь людей, потерявших связь с Творцом в результате грехопадения и не имеющих отчетливых представлений о добре и зле. Их сознание подобно детскому, т. к. занято тем, что предстоит как очевидность. Присутствие в событиях богов является такой же очевидностью, какими для современного ребенка являются персонажи сказок. Не случайно современное материалистическое мышление убеждено, что вера древнего человека в богов – плод невежества, наделяющего силы природы сверхъестественным могуществом. В контексте христианства мир политеизма – это мир эгоистически настроенных божеств, которые могущественнее, но нравственно не выше людей. Олимпийцы прозорливы, заботятся о престиже, мстительны, и, чаще всего, злобны. Поле брани – место действия их прихоти и произвола. Боги телесны, имеют сердце, кровь. Их можно ранить, как Диомед ранил Афродиту [1, с. 106–107]. Ни справедливости, ни разумности в их действиях нет, но отчетливо просматривается властолюбие и жажда повелевать другими³.

Можно найти сходство западного политеизма с восточным, о котором Н. С. Трубецкой писал: «Психологически каждый “бог” политеистического пантеона есть известный комплекс ассоциаций, связанных с процессом молитв определенной категории, возникающий в сознании молящегося лишь в этом процессе, и, таким образом, функционально связанный с данной категорией молитв. С этой точки зрения пантеон в своем целом есть как бы символ общей суммы потребностей, о которых считает нужным и возможным молиться данный народ.

Но подводя к тому же вопросу не с психологической точки зрения, а с точки зрения христианской догматики и, рассматривая отдельных “богов” не только как объекты молитв, но и как субъекты (потенциальные или реальные) исполнения этих молитв, мы должны признать, что большинство их является бесами. Только те “боги”, к которым направляются молитвы, связанные с нравственно ценными переживаниями, могут рассматриваться как неясно осознанные элементы подлинно божественного образа или образов ангельских» [4, с. 270]. Н.С.Трубецкой успешно применил христианскую догматику для исследования политеизма древней Индии.

Представляется рациональным последовать этому подходу для изучения творчества Гомера, в свете чего трагичность событий «Илиады» обусловлена драмой согрешившего человечества, оказавшегося в плену духов злобы поднебесных (Еф 6, 12), бесов, которые наслаждаются тем, что сеют брань между людьми. По учению Православной Церкви бесы имеют тело, но более тонкое, «эфирное» по сравнению с человеческим, хотя и подобное видимому человеку, а также подобные чувства и недостатки (Лк 11, 14). Они легко пересекают пространство (Деян 8, 39; Мф 4, 1–11; Иов 1, 7). Апостол Павел называет главу бесов – князем власти воздушной (Еф 1, 2). Усилия бесов направлены на погубление как можно большего числа душ человеческих. В архаический период духи тьмы достаточно грубо и даже разнузданно развлекались, вовлекая человека в брань. С точки зрения христианского мировоззрения, в современную эпоху сатана действует скрыто, навеивая атеистически образованному обществу мысль, что разговоры о реальности духов тьмы – результат необразованности или болезни ума. «Илиада», с этой точки зрения, выступает своеобразным документом о торжестве духов зла в мире людей, усилия которых не соотносимы по масштабам с результатами. Пафос поэмы Гомера свидетельствует не просто о насмешке или смехе, но о хохоте олимпийских богов (бесов), разжигающих героев на брань, подстрекающих на взаимоуничтожение:

*«В сердце своем веселятся Киприда и Феб, подстрекая
К брани безумца сего, справедливости чуждого всякой»* [1, с. 118].

Персонажи «Илиады» похожи на людей, о которых сказано: «своими глазами смотрят, и не видят» (Мк. 4, 12). Например, в сцене, где Афродита закрывает Энея ризами от вражеских стрел [1, с. 106], или Аполлон сотворил обманчивый призрак – образ Энея [1, с. 110]. Кроме Гомера, можно встретить мысль о влиянии богов на людей у Архилоха: «Настроения у смертных, друг мой Главк, Лептинов сын, таковы, какие в душу в этот день вселит им Зевс» [2, с. 355].

Подверженность человека влиянию существ из мира духов отчетливо звучит в Библии. Неоднократно говорится о том, что человек подобен сосуду и способен заполняться с двух сторон: со стороны Бога и со стороны сатаны, в зависимости от того, куда он направляет свою волю (Деян. 9, 15; Ис. 52, 11; 2 Тим. 2, 21). Современному человеку с его гордыней и тщеславием трудно принять мысль, которую четко выразил Иисус Христос: «без Меня не можете делать ничего» (Ин 15, 5). У христиан есть шанс правильного выбора и надежда на помощь: «Просите и дано будет вам» (Мф 7, 7–8). Но просить надо со смирением и кротостью: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать» (Иак 4, 6; 1 Пет 5, 5). Если это условие не соблюдается, то свои услуги подсовывает дух лукавый, замаскировавшись под Бога. Получается, что пиршества олимпийских

богов, описанные Гомером – это бал-маскарад бесов в тот период, когда Бог еще не открыл себя греховному человечеству через воплощение Иисуса Христа. И человек как сосуд оказался в полной власти бесов, наполняемый безумной агрессией, пребывая в «страсти похотения, как язычники, не ведающие Бога» (1 Фес 4, 5).

Как относительно пифагорейцев, так и относительно Гомера встречаются догадки о причастности его к тайному знанию, не предназначенному к разглашению. Можно предположить, что «Илиада» – это форма поэтического разглашения тайны о власти олимпийских богов, смеющихся над человеком, за разглашение которой Гомер был наказан. «Иероним говорит, что, когда Пифагор сходил в Аид, он видел там, как за рассказы о богах душа Гесиода стонет, прикованная к медному столбу, а душа Гомера повешена на дереве среди змей» [2, с. 312].

Современная наука и научно-ориентированная (материалистическая) философия интерпретирует мифы античности как порождение недоразвитости человеческого сознания и несовершенства логического мышления. Христианское же мировоззрение говорит о том, что мифы – свидетельство древнего понимания духовного мира, с которым человек имел непосредственное общение. Как в Ветхом, так и в Новом Завете хорошо разработано учение о добрых и злых духах. Светлые ангелы служат народам, церквям и исполняют волю Божию в духе любви и кротости. Падшие ангелы – сеют раздор, ненависть, вражду, ложь, неправду. Духи злобы наполняют воздушное (поднебесное) пространство. Доступ в Царство Небесное им закрыт. Сфера их активности – земля и все, что ее наполняет и окружает. Все их усилия направлены на изменение воли человека ко злу. Присутствие этих духов вызывает у человека страх, трепет, уныние, тоску. События «Илиады» убеждают в том, что описание участия богов в брани не просто художественный прием. Персонажи поэмы не только верили, но знали, видели и общались с миром духов. Но поскольку в падшем состоянии люди потеряли способность различать добро и зло, то начали падших духов почитать как богов. Более того. Стремилась войти в общение с этими богами и даже влиять на их волю, что характерно для первобытного анимизма, который исключает нравственные представления и возбуждает страх и эгоизм. Жертвы богам в «Илиаде» свидетельствуют о форме воздействия на богов, о древней магии, которая несовместима с монотеизмом. Монотеизм, как вера в единого Бога, не допускает вторжения в духовный мир, который осознается как стоящий выше человека. С этих позиций Бог, Творец видимого и невидимого мира, не может быть объектом магического воздействия, т. е. попыток направить его в нужном направлении по собственному усмотрению, поскольку является Верховной Личностью, обладающей свободой воли. К Богу можно обращаться с молитвой и надеяться на помощь с верой о спасении. На

волю человека Он не посягает, поскольку Бог есть любовь.

Как показывают события «Илиады», олимпийские боги идут на «помощь» героям, которые с уверенностью в своей правоте творят дела, разрушающие все, ощущая при этом новые силы, а в действительности находясь во власти злых духов, что очевидно для христианского мировоззрения. Троянская война, описанная Гомером, подобна строительству Вавилонской башни. Чем выше возводилась башня, тем более напрасны были усилия строителей.

События «Илиады» – выражение злобного смеха олимпийских богов (бесов) над потерявшими истинные ориентиры людьми. Гомер показывает это, детально описывая события (иди и смотри). Поэма – художественная форма описания реальных событий, смысл которых был закрыт для участников брани. Понять такой смысл происходящего и увидеть бедствие античных язычников можно с позиций христианского мировоззрения.

Героизм персонажей «Илиады» создает иллюзию успешности человеческих усилий, скрывая непросветленную основу бытия. Пафос брызжущей энергии делает карнавалом захватывающими языческие устремления героев – жажда власти, славы, обнаруживающими в кульминационные моменты сражения одержимость и демонизацию целей.

Христианство учит, что жажда власти, наслаждения, славы, богатства являются извращенными потребностями. Как говорил Экклезиаст, все это «суета сует» (Эккл 1, 2). Истинная потребность: «Бойся Бога и заповеди его соблюдай, потому, что в этом все для человека» (Эккл 12, 13). В Новом Завете сказано: «А он сказал: блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его» (Лк 11, 28). От Бога человек не получит то, что желает его омраченная грехом душа. Следовательно, он должен или искоренить извращенные потребности, или искать удовлетворения их у других сил. Трагизм героев «Илиады» – в невежестве относительно смысла происходящих событий, в несоответствии усилий иллюзорным целям. Поиск смысла исторических событий актуален и сегодня, т. к. мир, утративший связь с Богом, стал враждебен человеку и поныне находится во власти князя смерти. Древнее язычество приобретает новые формы и превращается в современное неоязычество. Современный человек, подобно античным героям, плохо понимает или даже совсем не понимает смысл происходящих событий, поклоняясь идолам в новой форме. Смех древних богов над бессмысленными усилиями как бы образованных, но невежественных относительно истинных мотивов собственной деятельности людей не прекращается и по сей день. Свидетельством этого является агрессия в человеческих взаимоотношениях, характеризующая всю последующую историю.

Примечания

¹ Не будем забывать, что слово «реализм» в разные эпохи имело различный смысл. Например, средневековый и современный реализм – противоположные типы мышления.

² См. истолкование понятия «архетип» в кн.: Византийская культура, IV–VII вв.– М., 1984.

³ Исследователями неоднократно замечено, что поведение олимпийских богов не может быть рассмотрено с точки зрения морали как доброе или злое, поскольку они живут в том мире, где мораль еще не сложилась, они не нарушают моральных требований, ибо их еще нет, они просто реализуют свою природу. – *Прим. ред.*

1. Гомер. Илиада.– М.: Худ. лит., 1978.– 534 с.
2. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов.– М.: Мысль, 1986.– 571 с.
3. Словарь иностранных слов.– М.: Гос. изд. ин. и нац. сл., 1949.– 805 с.
4. Трубецкой Н. С. Религии Индии и христианство // Трубецкой Н. С. История. Культура. Язык.– М.: Прогресс «Универс», 1995.– 800 с.